ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО
ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ
ИМПЕРАТОРУ И САМОДЕРЖЦУ
ВСЕРОССІЙСКОМУ
ОТЦУ ОТЕЧЕСТВА.

ПРОИЗНЕСЕННОЕ

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

САНКТПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

МАРТА 25 ДНЯ 1838 ГОДА

ЭКСТРАОРДИНАРНЫМЪ ПРОФЕССОРОМЪ

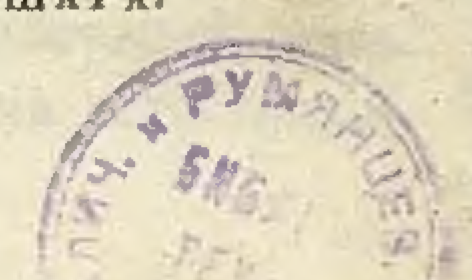
ДОКТОРОМЪ ФИЛОСОФІИ

Александромъ Никитенко.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ПЛЮШАРА.

1838.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго С. Петербургскаго Университета,

Секретарь Совѣта *А. Брутъ.*

С. Петербургскій Университетъ празднуя свое физическое и нравственное возрожденіе, могучею державною волею для него созданное, съ восторгомъ встрѣчаетъ, въ эту прекрасную эпоху своего возраста, привѣтливый взоръ собранія столь знаменитаго. Если Вы., Мм. Гг., смотрите на него съ надеждами, то это одно уже въ состояніи возвысить и омужествить духъ нашъ: это значитъ, мы признаны достойными выполнять, вмѣстѣ съ вами, великія намѣренія Государя и споспѣшествовать славѣ отечества. Съ другой стороны заботливое вниманіе ваше къ сему высшему учебному заведенію, служитъ новымъ утѣшительнымъ доказательствомъ того, сколь любезно Россіи драгоцѣнное наслѣдіе Петра — ея просвѣщеніе. Въ эти торжественныя минуты тѣснаго, видимаго сближенія Общества съ Наукою и Науки съ Обществомъ болѣе, чѣмъ когда либо удостовѣряешся въ благопоспѣшности ея начинаній; сильнѣе чувствуешь, что Наука не можетъ имѣть другихъ притязаній и другой славы, какъ утверждать наши законы, нашъ общественный порядокъ и упрочивать наше благо; что она есть только

одна изъ естественныхъ и необходимыхъ силъ нашей народной организаціи. Время сказать это, Мм. Гг., теперь, когда могущественная и глубокая мысль Августѣйшей Главы Имперіи проникла въ души всѣхъ, и именемъ Русской чести, напечатлѣла въ нихъ святой завѣтъ: «*да будетъ отнынѣ въ Россіи все Русское.*» — Одно изъ любопытнѣйшихъ явленій въ исторіи народовъ, безъ сомнѣнія, есть ходъ нашей образованности. Предъ вами двѣ эпохи; ихъ раздѣляетъ цѣлое столѣтіе; въ пространствѣ этого времени совершилось для Россіи столько не обычайныхъ событій, что столѣтіе — кажется вѣками; двѣ сіи эпохи, по видимому, даже противуположны въ своемъ характерѣ и значеніи, — а между тѣмъ онѣ сливаются въ одинъ моментъ народной жизни; первая существуетъ единственно для послѣдней, какъ послѣдняя есть только естественное, правильное разкрытіе всего, что заключалось въ предыдущей. Одна эпоха, когда по могущественному слову: *да будетъ*, раздавшемуся надъ Русскою землею, возникли на ней новые люди съ новыми потребностями и назначеніемъ; другая, когда эти люди, по такому же мощному призывному голосу, бросясь въ объятія Россіи, какъ бы послѣ долгой разлуки, возкликнули въ восторгѣ своего обновленнаго существованія: *мы дѣти твои!* Геній Петра свыше помазанный на великое творчество, созидая новыя судьбы народа, черпалъ для нихъ стихіи тамъ, гдѣ онѣ были, — въ общихъ избыткахъ человѣчества. Мы продолжали черпать ихъ, пока не укрѣпились ихъ силою и не возрасли для жизни высшей и вмѣстѣ самобытной. Законъ природы выполненъ. Слѣдовало угадать минуту, въ которую Россіи надлежало начать жить собою и въ се-

бѣ. Угадать эту минуту не было дѣломъ ума обыкновеннаго; не много раньше, мы могли пойти назадъ; не много позже, мы могли подвергнуться недугамъ столько же тяжкимъ, сколько и чуждымъ нашей природѣ. Но эта минута угадана; дѣло Петра довершено. Россіи возвращается Россія. Уже по твердой самодержавной волѣ великаго Зодчаго передвигаются колеса необъятной государственной машины, установляются новыя пружины, твореніе Петра организуется, приводится къ единству естественнаго національнаго начала. Какъ! все это зиждется въ наши дни, предъ нашими глазами, и мы даже не слышимъ шума этихъ чрезвычайныхъ работъ? Мы не испытываемъ никакихъ тревогъ, не разлучныхъ съ великими государственными измѣненіями? Мы даже не замѣчаемъ ускоренныхъ шаговъ нашего не обычайнаго шествія? Посмотрите: святая, торжественная тишина пріосѣняетъ дни наши; лице Россіи цвѣтетъ обычнымъ здравіемъ, и Слава платитъ намъ, какъ и прежде, свыше установленныя дани, — а для будущности въ нѣдрахъ этой славы и покоя, готовится столько величія... Но Ораторъ недолженъ похищать правъ у Историка; не станемъ предупреждать потомство. Объятые отвсюду воспоминаніями перваго дня нашей нравственной жизни и вкушая плоды нашего возрожденія, мы имѣемъ уже предъ собою неизсякаемый источникъ для великихъ размышленій и для слова въ минуты, посвященныя торжеству науки и народной славы. Бесѣдующему съ вами нѣтъ надобности прибѣгать къ искуственному сближенію предмета своей рѣчи съ настоящимъ случаемъ. Предъ вами, Мм. Гг., духъ Петра и его дѣло оправданное, довершаемое. Его могучая воля живетъ въ каждомъ актѣ нашей

жизни и продолжаетъ управлять событіями. Все вокругъ насъ и въ насъ самихъ исполнено святынею Его мысли; все даръ ея, — какъ и эти стѣны, среди коихъ совершается скромное, но общеполезное служеніе истинѣ, какъ это мѣсто, съ коего дерзаю призывать Его безсмертное имя, какъ самое слово, коимъ бесѣдуемъ съ вами. Здѣсь, окруженные, проникнутые Его невидимымъ присутствіемъ, мы невольно исполняемся священнаго благоговѣнія; сердце порабощено силѣ этого мощнаго генія, облеченнаго всѣмъ величіемъ, всею будущностію Россіи, — мы должны или безмолвствовать, или говорить только о Немъ!

Но, Мм. Гг., вы безъ сомнѣнія желали бы, чтобы устамъ краснорѣчивѣйшимъ предоставлено было выразить общія чувствованія. Безмѣрное величіе предмета можетъ подавить и оратора, уже привыкшаго къ побѣднымъ торжествамъ слова. Петръ Великій есть одно изъ тѣхъ необычайныхъ явленій нравственнаго міра, коихъ изученіе составляетъ зачачу для мудрыхъ и кои только отважному взору генія допускаютъ коснуться глубокой тайны своихъ силъ и начинаній. Но да позволено будетъ мнѣ сложить предъ вами часть моей отвѣтственности: я непитаю дерзновеннаго желанія начертать его исполинскій образъ, или раскрыть предъ вами славу дѣлъ, подъ бременемъ коихъ изнемогаетъ Исторія. Мое слово будетъ только — простою, невольною Ему данію благоговѣнія. Все, что вы услышите, уже живетъ въ вашей памяти и вашемъ сердцѣ. Великій человѣкъ оставилъ повсюду столь могущественные слѣды Своего существованія, что всякое изліяніе чувствованій оратора, всякій взглядъ его уже предупреждены, — ему остается повторять. Но такъ въ простомъ напѣвѣ народной пѣсни

повторяются преданія, драгоцѣнныя сердцу гражданина; тѣмъ немѣнѣе эти преданія слушаютъ съ жадностію, какъ бы они были всегда новы, потому что Любовь къ отечеству имъ внимающая, подобно всякой любви, несѣтуетъ, когда много говорятъ о предметѣ ея обожанія. —

Исторія назвала Петра величайшимъ изъ людей, коихъ имена когда либо она принимала на свои страницы: она тѣмъ воздала только достойную честь себѣ и человѣчеству: просвѣтитель народа долженъ стоять предъ судомъ ихъ выше завоевателя, выше всякаго властителя и вождя умовъ. Какое величественное, утѣшительное зрѣлище предъ вами! Вотъ мужъ, совершающій дѣло божественное, мужъ — зиждитель нравственнаго порядка, мужъ, повелѣвающій быть на земли новымъ доблестямъ, новымъ славамъ, новымъ успѣхамъ ума и гражданственности. Изъ всѣхъ человѣческихъ могуществъ укажите то, которое было бы достойнѣе человѣческаго рода по своей славѣ и благотворнѣе для него по своимъ слѣдствіямъ. Это не есть присоединеніе какой нибудь силы къ силамъ движущимъ общество; это необогащеніе жизни новою отраслію добра: это цѣлое, полное міротвореніе! Изъ того, что Онъ создалъ, ничего несуществовало и что Онъ создалъ, обречено вѣчному существованію. Не измѣрайте однимъ царствованіемъ пребыванія его на земли: въ его біографіи преднаписана исторія многихъ царствованій. Онъ столько же Геній нашей будущности, сколько геній настоящаго; скорѣе не станетъ вѣковъ для совершенія Его предначертаній, чѣмъ истощится богатство послѣднихъ. Каждая мысль, изторгшаяся изъ глубины Его зиждительнаго ума, является въ потомствѣ какъ пред-

метъ для бытописанія и какъ зародышъ бытописаній грядущихъ; она вмѣстѣ и урокъ и потребность. Подобно всеобщей жизненной силѣ въ природѣ, Онъ есть невидимое тайное начало всякаго отправленія въ нравственной нашей жизни; вотъ цвѣтъ и плодъ ея, — загляните во глубину ихъ первоначальнаго образованія — тамъ лежитъ сѣмя: это мысль Петра. – Ни границы времени, ни назначеніе настоящей бесѣды недопускаютъ меня представить вамъ, Мм. Гг., этой истины въ самыхъ фактахъ. По крайней мѣрѣ, бросимъ бѣглый взглядъ на механическіе, такъ сказать, пріемы, какими началъ Онъ не слыханный трудъ перерожденія народнаго. Здѣсь, какъ и на высотѣ общихъ видовъ, является тотъже Петръ — Просвѣтитель, съ тѣмъ же принятымъ Имъ отъ неба полномочіемъ вливать духъ и жизнь въ неподвижную плоть, съ тѣмъ же дивнымъ знаніемъ вещей и средствъ. Наука торжествуетъ повсюду; ея животворное дыханіе объемлетъ и проникаетъ весь составъ Государства. Безопасность, богатство народа, всѣ отрасли дѣятельности, честь народнаго имени, — все утверждено на вѣчныхъ основаніяхъ истины и обезпечено развитіемъ народнаго ума и самопознанія. Мы, какъ я имѣлъ честь замѣтить выше, радуемся счастливому у насъ направленію науки, радуемся, что она подвизается для общества а не для школы, что она есть дѣятель, сила государственная, а не пустая сластолюбивая игра праздныхъ умовъ: но это направленіе дано ей Петромъ. Оно угадано Его всепроницающею мыслію во глубинѣ народнаго духа, среди его дремоты, когда никто не смѣлъ еще подозрѣвать его силъ и читать ихъ тайны, кромѣ Петра. Въ самомъ дѣлѣ, на что обращено вниманіе Монарха, среди заботъ о просвѣ-

щеніи отечества? Онъ учреждаетъ Морскую Академію, даетъ въ Россіи бытіе наукамъ Инженерной и Артиллерійской; Русскіе, по Его волѣ, учатся Медицинѣ, свѣтъ раціональныхъ началъ озаряетъ торговлю и мануфактуры. Петръ самъ установляетъ новыя формы письменности; въ своихъ безчисленныхъ письмахъ, резолюціяхъ и уставахъ, прежде Ломоносова, даетъ первые образцы языка полнаго силы, простоты и точности. Повелѣваетъ учиться иноземнымъ языкамъ, — языкамъ Европы и Востока; умственныя произведенія народовъ, опередившихъ насъ въ наукѣ и искуствѣ, усвояются нашей рождающейся образованности; Петръ самъ перечитываетъ ихъ, исправляетъ и даетъ совѣты о лучшемъ выраженіи новыхъ идей на языкѣ отечественномъ. Учреждаются школы для дѣтей Канцелярскихъ чиновниковъ, начинаютъ заряждаться школы народныя; Государь посылаетъ наставниковъ въ провинціи для обученія Дворянскихъ дѣтей Математикѣ; лучшихъ молодыхъ людей отправляетъ за границу для пріобрѣтенія высшаго образованія, пишетъ имъ своеручно наставленія, какъ опытный и просвѣщенный руководитель и Самъ, по возвращеніи, ихъ экзаменуетъ. Излагаетъ превосходныя начала для учрежденія Семинарій и Духовныхъ Академій и даетъ правила, основанныя на глубокихъ соображеніяхъ, о сочиненіи книгъ для распространенія правственно-религіознаго образованія въ народѣ. Наконецъ, Мм. Гг., вы знаете, что и Академія Наукъ Ему обязана своимъ существованіемъ, а въ планѣ, начертанномъ по этому случаю, соединены съ нею основанія Университета: первый Русскій Университетъ существовалъ уже въ умѣ Петра. До времени Онъ слилъ двѣ формы высшаго образованія

въ одну, потому что того требовали современныя Ему нужды государственныя. Вы видите, Мм. Гг., что обширная и мудрая система распредѣленія образованности между всѣми классами народа въ той мѣрѣ, какая нужна каждому изъ нихъ, для собственнаго и государственнаго блага, — что эта система, которая нынѣ съ такою твердостію развивается и законодательными и административными мѣрами, была уже Петромъ Великимъ понята и предопредѣлена. Его только все – объемлющему духу возможно было разшириться на такое огромное пространство вещей и дѣлъ и оживить однимъ Собою все отъ перевода на Русскій языкъ иностранной книги до Академіи наукъ, до Университета.

Это добро общее, добро цѣлаго, вѣковъ и потомства. Но еслибы и самый утонченный, разчетливый эгоизмъ вздумалъ спросить, что каждый изъ насъ почерпнулъ на свою долю въ новомъ порядкѣ вещей? Мы отвѣчали бы, честь существовать по человѣчески и право возвышать и облаготворять свое существованіе всѣми нашими силами матеріальными и нравственными. Развѣ дѣятельность, указанная Петромъ духу Русскаго народа, не служитъ уже для каждаго изъ насъ источникомъ разнообразнѣйшихъ благъ, точно такъ, какъ она служитъ опорою нашей самобытности и прочнымъ залогомъ нашей вѣчной славы? Искуства, науки, новыя вѣтви промышленности, ихъ совершенствованіе, ихъ приложеніе — какой неизсякаемый источникъ всевозможныхъ успѣховъ жизни! Какія средства, чтобы возвысить въ насъ достоинство человѣка и сдѣлать отраднымъ пребываніе наше на земли! Сколько прекраснаго сопряжено съ существованіемъ генія, таланта, доблестной воли — а имъ от-

крыты поприща, цѣли и пути. Совершеннаго счастія нѣтъ ни въ какомъ ходѣ вещей на земли; но есть многія блага, которыя вкушать можетъ только умъ образованный и есть многія злополучія, которыя отвратить можетъ одна образованность. Все, что наполняетъ сердце наше сладкимъ сознаніемъ его обилія и силы; все, что каждый изъ насъ называетъ своею славою, чѣмъ даже каждый изъ насъ наслаждается въ безпечности покоя, — все даръ Просвѣтителя народа! Но могутъ спросить: не надлежало ли намъ идти медленнѣе по новому пути? Нѣтъ, Мм. Гг.! Это значило бы отваживать будущность новаго порядка вещей и самую будущность государства на невѣрное покровительство удачи и случая. Сія то быстрота, какъ и всеобщность преобразованія, есть одна изъ величайшихъ заслугъ Генія нашей новой Исторіи. Событія оправдали Его твердую и рѣшительную волю. Умъ столь обширный и проницательный, какъ умъ Петра, не могъ медлить, видя быстрое возрастаніе державъ образованныхъ; скоро возлѣ нихъ не было бы мѣста другимъ стихіямъ общества. Въ состояніи ли мы представить себѣ, какимъ ужасомъ должно быть поражено сердце великаго Монарха, когда Онъ обозрѣвъ состояніе вещей въ Европѣ, увидѣлъ свою возлюбленную Россію во всей крѣпости природныхъ силъ ея, со всѣми правами на великое существованіе и почти безъ всѣхъ пособій, какими сопредѣльные ей народы, съ каждымъ часомъ своей политической жизни, пріобрѣтали новые успѣхи! Что сдѣлалось бы съ Россіею, когда отважный солдатъ, сжавшій судьбу Сѣвера въ желѣзной рукѣ своей, этотъ Карлъ XII, низложенный юнымъ нашимъ просвѣщеніемъ, бросилъ бы свой побѣдоносный мечь на вѣсы

съ древними нашими предразсудками? Что сталось бы съ нами, когда другой воинъ болѣе счастливый и болѣе великій, перестроивая ветхую Европу по своимъ исполинскимъ замысламъ и простирая свой окровавленный скипетръ на Россію, встрѣтилъ бы въ насъ одно только мужество — и ничего, или мало отъ спасительнаго могущества Науки и Искуства? — Нѣтъ! Петръ Великій не только просвѣтилъ Россію, но спасъ ее, — спасъ, потому что просвѣтилъ! —

Станемъ, Мм. Гг., на другую точку зрѣнія: посмотримъ на Петра, какъ на дѣятеля всеміриаго. Народъ, занимающій необъятное пространство земнаго шара, печальными судьбами былъ на долго отторгнутъ отъ участія въ общихъ дѣлахъ міроустройства и міроправленія. Другіе народы пріявъ въ руки свои Европу изъ кровавой купели перерожденія, уже давали ей законъ, гражданственность, науку и искуство; каждый изъ нихъ спѣшилъ приложить свою мысль и свой трудъ къ этому новому зданію исторіи, — и человѣчество скоро увидѣло предъ собою въ числѣ даровъ ими принесенныхъ, компасъ, порохъ, Америку, книгопечатаніе, Дантову божественную комедію, Беконовъ новый органонъ, Рафаэлево преображеніе. Между тѣмъ Россія, проникнутая ужасомъ претерпѣнныхъ ею золъ, стояла въ хладномъ и уединенномъ величіи, какъ бы боясь подать содѣйствующую и дружелюбную руку чуждымъ людямъ, отъ коихъ понесла она на сердцѣ своемъ столько скорбей. Но такое отчужденіе не могло быть ея удѣломъ. Петръ принялъ ее въ свои мощныя объятія и оживотворивъ своимъ дыханіемъ, возвратилъ ее человѣческому роду. Свѣжія, энергическія силы влились мгновенно въ ослабѣвшее тѣло Европы — и міръ полу-

чилъ новаго двигателя образованности еще неутомленнаго и не пресыщеннаго успѣхами, готоваго усвоить себѣ, возрастить и пронести въ концы его все великое и прекрасное, — все человѣческое, кромѣ обольщеній ложной истины. Изъ глубины забвенія и мрака, двинутые рукою величайшаго генія земли, мы пришли въ Европу не съ мечемъ, чтобы сокрушить твореніе умственныхъ силъ ея, — мы пришли съ благороднымъ желаніемъ принять отъ ней науку и искуство. Мы пришли, чтобы у стараго и опытнаго рыцаря человѣчества заслужить посвященіе въ высокій санъ сподвижникомъ всемірнаго дѣла. Стыдиться ли намъ, Мм. Гг., что мы должны были сперва сдѣлаться учениками людей, опередившихъ насъ на пути усовершенствованія? Петръ не стыдился учиться корабельному искуству у Голландскихъ матросовъ и тайнѣ побѣждать у своихъ враговъ; но онъ построилъ флоты и торжествовалъ побѣды надъ своими военными учителями. Не стыдно такъ учиться. Мы не хотимъ однакожъ быть никому обязанными; Россія такъ богата, что не принимаетъ даровъ. Мы заплатили и платимъ Европѣ съ избыткомъ за ея услуги. Мы вырвали ее изъ кровавыхъ рукъ Мужа судьбы, когда онъ осмѣлился свою желѣзную волю противопоставить строгимъ и праведно чтимымъ законамъ общаго порядка. Наслѣдникъ Петра, путемъ побѣдъ, ввелъ насъ въ самыя нѣдра народа враждебнаго, угрожавшаго стерѣть имя наше со страницъ Исторіи: во имя человѣчества мы, въ отмщеніе, поднесли ему оливу мира и спасли для образованности вѣковыя пріобрѣтенія ума, искуства и науки. Кромѣ дѣлъ, мы дали два великіе урока народамъ: какъ сражаться за свою независимость и какъ благо-

творить побѣдою. И такъ воздвиглось Могущество новое, едва ли не первое въ лѣтописяхъ міра, — Могущество, предписавшее себѣ законъ — не разрушать, но спасать и хранить. Ринулись на Европу другіе, опаснѣйшіе враги — Политическія Страсти, грозившія подавить образованность развалинами порядка и закона. Крѣпкая издревле въ соблюденіи обѣтовъ, на коихъ основаны бытіе и прочность гражданскихъ обществъ, монархическая по своей природѣ, потребностямъ и любви, Россія пріосѣнила мощною охранительною рукою троны и союзы общественные, и люди избавлены отъ стыда видѣть себя жертвою своихъ собственныхъ успѣховъ. Вотъ плоды, принесенные Россіею человѣчеству отъ сѣмянъ, засѣянныхъ рукою Петра. Намъ вполнѣ теперь объясняется мысль, постоянно наполнявшая великую душу Его, — мысль ввести Россію въ систему Европейскихъ государствъ. То было не одно патріотическое желаніе доставить ей почетное мѣсто въ кругу народовъ образованныхъ, хотя и это одно могло бы упрочить славу Монарха великаго. Нѣтъ! это было предчувствіе Генія, котораго Промыслъ избираетъ орудіемъ для выполненія цѣлей общихъ, міродержавныхъ. Это было непреодолимое, тайное влеченіе къ тому необытному расширенію нравственныхъ силъ, коего начало лежитъ глубоко въ сердцѣ и судьбахъ Русскаго народа. И такъ, Мм. Гг., Россія торжественно слагаетъ съ себя вину предъ человѣчествомъ, что она не принимала участія въ судьбѣ его; она разомъ заплатила ему всѣ свои долги — она пренесла ему въ даръ Петра.

Таково, Мм. Гг., значеніе Петра въ отношеніи къ Россіи и въ отношеніи къ человѣчеству. Ктожъ Онъ

Самъ въ себѣ, этотъ Мужъ — зиждатель, этотъ податель свѣта и генiй Россiи, слившiй ее съ собою, что бы сдѣлать ее генiемъ народовъ иныхъ? — Виновникъ событiй, столь необычайныхъ доложенъ быть одаренъ и качествами необычайными. Въ самомъ дѣлѣ характеръ Петра не имѣетъ ничего общаго съ великими характерами, какiе представляются намъ въ древнемъ и новѣйшемъ мiрѣ. Величiе Его можетъ быть сравниваемо только съ величiемъ державы, которую Онъ призванъ былъ пересоздать. Идеи Его были выше понятiй Его народа; но подобно Небу, котораго предѣлы кажутся отвсюду слитыми съ предѣлами земли, эти идеи всею внутреннею силою своею опирались на народныхъ нравахъ и судьбѣ. Куда бы вы ни пошли по путямъ народной нашей дѣятельности, вы вездѣ будете подъ этимъ небомъ; васъ вездѣ обхватитъ горизонтъ этого дивнаго ума, — и между тѣмъ вы будете чувствовать, что надъ вами горитъ солнце и блестятъ звѣзды вашей святой отчизны. Онъ есть въ высочайшей степени представитель своего народа. Онъ впиталъ въ себя вдругъ съ исполинскою силою всю его жизнь и, переработавъ ее въ нѣдрахъ своей души, возвратилъ ее тому же народу въ лучезарныхъ потокахъ свѣта и славы. Что дѣлаетъ Онъ, чтобы усвоить ему разныя выгоды усовершеннаго общественнаго быта, — выгоды, какими прежде онъ не наслаждался? Вмѣсто того что бы только повелѣвать самодержавно и бодро блюсти за исполненiемъ Своей воли, Онъ принимаетъ мѣры проще и дѣйствительнѣе, — но мѣры такiя, какихъ еще въ Исторiи людей не доставало ни для полнаго психологическаго изъясненiя человѣка, ни для урока ему. Онъ становится Самъ плотникомъ, рѣзжчикомъ, ку-

знецомъ, солдатомъ, лѣкаремъ, «Смотри, говоритъ онъ своему народу, вотъ мозоли отъ топора на моихъ скиптродержавныхъ рукахъ: это для тебя и за тебя — теперь дѣлай самъ: это и легко и благородно.» И народъ изумленный этимъ не слыханнымъ способомъ самодержавнаго законодательства, устремляется бодро на новый путь, и какъ бы пробудясь отъ долгаго сна, видитъ, что нѣтъ успѣха гражданственности, нѣтъ такого усовершенствованія, какія не были бы ему суждены. Онъ принялъ отъ Петра свой умъ, свою нравственную силу и свои руки. — «Пишутъ «ученики Твои (такъ изъясняется съ Государемъ въ «письмѣ Русскій корабельный плотникъ), — пишутъ «*ученики Твои* корабельнаго дѣла мостильщики, ще«гóльнаго дѣла мастера Якимко Воронинъ съ това«рищи 16, *челомъ бьютъ за Твое мастерское ученье*» — и «корабль взнималъ я съ учениками своими по Твоему «учительскому приказу и по Твоему ученью.» — О, если бы можно было изъ Исторіи человѣческаго рода вырвать многія, такъ называемыя блистательныя страницы, гдѣ кровію народовъ вписано за цѣну всеобщаго мира и блага, нѣсколько превознесенныхъ именъ и если бы, вмѣсто этихъ страницъ, можно было болѣе написать подобныхъ строкъ, — Мм. Гг., мы не были бы въ опасности читая Исторію, терять иногда уваженіе къ человѣческому достоинству. Можете ли вы представить себѣ зрѣлище умилительнѣе и торжественнѣе того, когда угнѣтенный невѣжественный сынъ природы, припадая къ стопамъ генія, надѣленнаго всѣми умственными дарами, исповѣдуетъ предъ нимъ въ простотѣ сердца свою духовную нищету и какъ этотъ геній подъемля его изъ праха, благословляетъ его братскимъ благословеніемъ и говоритъ

ему: «будь человѣкомъ — я научу тебя быть имъ.» — Между тѣмъ этотъ Геній, которому люди давали титло своего учителя, въ тоже время сражался за нихъ, побѣждалъ враговъ, законодательствовалъ, царствовалъ. Хотите ли вы, Мм. Гг., войти съ другой стороны во святлище этого необъятнаго ума — войдите, чтобъ снова благоговѣть. У другихъ, также мужей знаменитыхъ, вы находите умъ, какъ бы вылитый въ извѣстную форму человѣческаго образованія, умъ, такъ сказать, извѣстной эпохи; вы видите, что онъ и дѣйствуетъ подъ вліяніемъ понятій своего вѣка, какой нибудь школы, и даже подъ неизбѣжнымъ вліяніемъ предразсудковъ. Такіе умы бываютъ представителями одной идеи и осуществляютъ ее одну въ своихъ подвигахъ. Въ умѣ Петра напротивъ нѣтъ ни какой наклонности къ утвердившимся понятіямъ, или установленному способу соображенія: это чистый, если можно такъ выразиться, стихійный умъ, какимъ бываетъ онъ въ нѣдрахъ самой природы, прежде чѣмъ мы испортимъ его ложнымъ ученіемъ, суемысліемъ и страстями нашими, — умъ человѣческій, безъ примѣси того, что происходитъ отъ вѣковыхъ навыковъ. Для его дѣятельности какъ будто нѣтъ условныхъ формъ времени или мѣста. Для него существуетъ одна форма — истина и ясность. Казалось отъ его мысли отпадали весь обыкновенный снарядъ обсуживанія, всѣ эти топическія лѣстницы, по коимъ мы медленно и ощупью подвигаемся къ истинѣ; однимъ мѣткимъ ударомъ ума своего онъ разбивалъ въ дребезги кору, облекающую сущность вещей — и вещи послушно предавали ему глубочайшія свои тайны, коихъ тщетно домогались другіе. Въ одно и тоже время необъятный, какъ Россія, и удобовмѣ-

стимый въ самой мелкой подробности, этотъ дивный умъ равно изумителенъ въ силѣ своего разширенія и въ силѣ сжатости своей. Это дѣйствительно, Мм. Гг., умъ по превосходству, повторяю, чистый умъ, который называютъ здравымъ, не подозрѣвая, можетъ быть, что тѣмъ самымъ возвращаютъ ему его божественное достоинство, — умъ, который, по выраженію одного изъ знаменитѣйшихъ современныхъ писателей, есть — геній человѣчества. Удивительно ли, что Петръ великій былъ врагомъ всѣхъ хитросплетенныхъ, безполезныхъ умствованій, что онъ могъ быть удовлетворенъ только истиною, а не прикрасами ея? Зиждитель повсюду, куда влекли Его или собственное стремленіе или нужды, онъ презиралъ всѣ окольные ни къ чему не ведущіе пути, на коихъ мелкіе умы любятъ забавлять чернь діалектическими уловками; — Онъ уважалъ въ мысли силу производительную и требовалъ отъ нея — дѣлъ. Иноземцы, приходившіе въ Россію съ надеждами иногда слишкомъ нескромными, изумлялись видя, съ какою проницательностію Государь умѣлъ отличать въ нихъ людей истинно достойныхъ и полезныхъ отъ ничтожныхъ искателей приключеній. Одинъ изъ такихъ людей представилъ Ему планъ учрежденія Морскаго Корпуса; въ немъ много было говорено, какъ обыкновенно, объ общественной пользѣ, но дѣло шло о собственныхъ выгодахъ сочинителя. Петръ великій написалъ противъ одного пункта, который казался благовиднѣе прочихъ: *этого не должно: ибо болѣе клонится къ лакомству и карману, нежели къ службѣ*, — а въ заключеніе велѣлъ объявить велерѣчивому предлагателю услугъ: *чтобъ подлинно объявилъ, хочетъ ли онъ свое дѣло дѣлать безъ прихотливыхъ запро-*

совъ, и если хочетъ, тобъ дѣлалъ; буде нѣтъ, то чтобъ отдалъ взятое жалованье и выѣхалъ изъ сей земли.

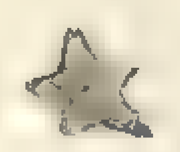
Можемъ ли мы также умолчать объ одномъ изъ драгоцѣннѣйшихъ качествъ Его ума, — объ искуствѣ избирать себѣ сподвижниковъ и исполнителей своей воли и употреблять ихъ сообразно ихъ способностямъ? По Его мощному кличу земля Русская дала гражданъ, заслуживавшихъ чести жить въ Его время и раздѣлять съ Нимъ блистательнѣйшую славу, какая когда либо озаряла людей. Въ хижинѣ построенной на болотѣ, пріобщились они величію державнаго Генія и простерли руки свои къ трудамъ тяжкимъ и продолжительнымъ. Каждый изъ нихъ безъ царедворческой пластости и безъ лукавства, всею любовію своею къ Петру и Россіи, совѣстливо, честно воздѣлывалъ частицу общаго подвига, — а этотъ подвигъ былъ — созданіе Царства! Это сильныя души, вылитыя въ бронзу, по коей глубоко прошелъ рѣзецъ строгаго и величиваго стиля Римлянъ. Они образовались по мысли великаго Художника, который въ самой грубой корѣ нестыдился подозрѣвать талантъ и доблесть, который искалъ людей, а самъ каждаго изъ нихъ перерождалъ въ мужа.

Мы никогда не кончили бы, Мм. Гг., если бы захотѣли изчерпать все великое, которое оратору и историку представляетъ характеръ Петра. Но вотъ новая необычайность и задача для наблюдателя человѣческой природы: откуда возникъ этотъ характеръ и какъ онъ образовался? Мы привыкли думать, что человѣкъ, коему Провидѣніе ввѣрило власть надъ умами и судьбою вѣка, приготовляется предшествующими событіями, что онъ большею частію, призванъ

только сосредоточить и выразить въ себѣ общія нужды и идеи эпохи. Такъ ли было съ Петромъ? Было ли до Него пробуждено хоть въ одномъ умѣ ясное сознаніе необходимости новаго порядка вещей? Ожидали ли Его сердца, что бы принять съ восторгомъ и облегчить Ему бремя Его подвига? Гдѣ Его предтеча? Онъ пришелъ къ своимъ — и свои Его не познали. Не было ни одного стремленія въ Его пользу, ни одного начатка, что бы дѣло творчества замѣнить для Его ума и воли, хотя великимъ, но вполовину легчайшимъ дѣломъ довершенія? Все надлежало создать Самому: цѣли, средства, людей — Самаго Себя. Вы знаете, Мм. Гг., получилъ ли Петръ воспитаніе, не скажу сообразное съ его нравственными потребностями, но съ Его политическимъ жребіемъ? Общество ничего Ему не дало ни для Его намѣреній, ни для генія; оно не лелеяло первыхъ Его начинаній; своимъ одобреніемъ оно неукрѣпляло Его великихъ надеждъ и довѣрія къ Своимъ силамъ. Или равнодушно, или съ тайнымъ отвращеніемъ, оно смотрѣло на эти юношескіе порывы, предвозвѣщавшіе истребителя закоснѣлыхъ предразсудковъ. Нашлись даже люди, — и ихъ было не мало, — которые дерзнули простерть свою святотатственную руку на сію вдвойнѣ освященную главу, - освященную помазаніемъ на Царство и помазаніемъ на великое назначеніе въ Исторіи. Петръ все получилъ или отъ Неба, или отъ Себя Самаго; земля дала Ему только поприще для труда — и безсмертіе за трудъ. Его умъ и воля — дары Провидѣнія; знаніе Онъ изторгъ силою изъ рукъ непріязненной судьбы. Не легко, Мм. Гг., при всевозможныхъ пособіяхъ, изучить и одну науку, особенно если она есть наука царствовать. Петръ изучалъ все, что должно было сдѣлать

подданныхъ Его людьми, — изучалъ не подъ руководствомъ избранныхъ наставниковъ, при помощи приготовленныхъ средствъ; нѣтъ! онъ изучалъ это подъ руководствомъ собственнаго ума, въ убогой школѣ нужды и терпѣнія. И Просвѣтитель народа исполнилъ правосудно Свое достославное назначеніе: Онъ сдѣлался Самъ просвѣщеннѣйшимъ Мужемъ своего вѣка. Это уже не Монархъ-Повелитель: это Божій Посланникъ, принесшій миліонамъ людей слово истины и Себя, какъ образецъ для послѣдованія. Въ этомъ то дивномъ самообразованіи лежатъ первое начало и опора той несокрушимой силы воли, которою замыслы, казавшіеся несбыточными мечтами, Онъ превращалъ въ дѣла и вещи. Петръ не могъ и не долженъ былъ получить образованія другаго. Поставленный заранѣе въ необходимости черпать все изъ собственныхъ силъ, Онъ сталъ столько же самодержавнымъ по Своему духу, сколько былъ самодержавнымъ по сану. Неполучивъ никакого направленія, Онъ сохранилъ ту независимость, чистоту и ясность ума, которыя необходимы были Ему для нравственнаго законодательства въ Своемъ народѣ еще болѣе, чѣмъ для политическаго. Неподвластный никакому чуждому внушенію, Онъ наконецъ сдѣлался тѣмъ, чѣмъ надлежало быть Ему — сдѣлался Петромъ Великимъ. —

Но во всемъ этомъ Мм. Гг. мы видимъ силу, могущество, власть ума и воли; этого слишкомъ много, чтобы человѣка сдѣлать предметомъ удивленія и благоговѣнія; однако же не довольно для того, чтобы сдѣлать его предметомъ обожанія. Мы даже можемъ сознавать, чѣмъ мы обазаны великому человѣку и сердцемъ отъ него отстраняться. Бываетъ не полное

какое то величіе, которое овладѣваетъ не всею нашею душею и оставляетъ въ ней мѣсто для тайныхъ укоризнъ и сожалѣнія. Геній здѣсь можетъ столько же утратить въ своей славѣ, сколько и пріобрѣсти. Отъ чего же Петръ, не смотря на строгія черты своего лика, порабощаетъ себѣ наше сердце такъ, что для него нѣтъ убѣжища между удивленіемъ и любовію? Отъ того, Мм. Гг., что всѣми Его намѣреніями, всѣмъ могуществомъ Его души управляло одно святое, чистѣйшее чувство — любовь къ отечеству. «*Я за свое отечество живота не жалѣлъ и не жалѣю*» говоритъ Онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. Протекши мыслію всю цѣпь исполинскихъ дѣлъ и качествъ Петра, здѣсь встрѣчаете вы послѣднее звѣно его величія — здѣсь, гдѣ *великій для Исторіи*, сталъ *Отцемъ для отечества*. Далѣе человѣку простираться не куда. На пути къ этой нравственной грани еще можно трепетать за славу Петра, за полноту жертвы, какую обязано принести ему Потомство. Можно еще спрашивать у самаго себя: не честолюбіе ли увлекло эту могучую душу на поприще такихъ не обычайныхъ дѣлъ? Ибо, Мм. Гг., не разъ люди испытывали скорбь разочарованія, слишкомъ довѣряя величіямъ человѣческимъ. Но здѣсь нѣтъ уже мѣста ни какому разбирательству, ни какому суду. Петръ является намъ въ полномъ свѣтѣ самой чистой, прекраснѣйшей славы. Мы радостно войдемъ въ пантеонъ великихъ мужей всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ, — и съ гордостію падемъ предъ нетлѣннымъ образомъ Петра. Его дала человѣчеству земля Русская — первый среди великихъ мужей своимъ геніемъ и доблестію, Онъ нашъ Своею любовію, также какъ Своимъ именемъ. Если великіе

мужи суть представители своихъ народовъ предъ судомъ потомства и ходатаи за ихъ славу — что должно сказать оно о геніи народа, котораго нравственныя силы вылились въ такую форму, какъ образъ Петра?... Съ благоговѣйнымъ трепетомъ говоримъ мы въ сердцѣ нашемъ, глядя на этотъ дивный образъ: эта всеобъемлющая мысль на величественномъ челѣ — она вся была принесена въ жертву намъ; изъ нея излились на насъ просвѣщеніе, могущество, слава. Изъ этихъ устъ Исторія услышала святыя слова и приняла какъ объяснительный догматъ на всѣ подвиги необыкновеннаго мужа: *я не жалѣю жизни для Россіи.*

Здѣсь прекращаю мое слово: ибо, Мм. Гг., здѣсь и не столь слабое слово, изчезаетъ въ торжественныхъ кликахъ потомства, какъ отдѣльный голосъ изчезаетъ въ громѣ радостнаго привѣствія, когда народъ нашъ встрѣчаетъ своего мощнаго и благоносящаго Царя. Здѣсь можно только молиться. О, пусть всегда сердца наши молятся, да будетъ Россія Петра тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ ее сдѣлать Петръ и чѣмъ дѣлаетъ ее Тотъ, кому Провидѣніе достойно и праведно ввѣрило довершеніе Его подвига. Пусть въ этой молитвѣ будетъ слово и за насъ: пусть эти юноши, пришедшіе сюда стяжать сокровище познаній, по чувству своего Просвѣтителя, обнимутъ свое дѣло мыслію не шаткою и трудомъ бодрымъ совершатъ его, чтобы духъ Петра возрадовался, и Августѣйшій Наслѣдникъ Его могъ сказать: *«они достойны быть Его и Моими дѣтьми!»*

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО
ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ
ИМПЕРАТОРУ И САМОДЕРЖЦУ
ВСЕРОССІЙСКОМУ
ОТЦУ ОТЕЧЕСТВА.

ПРОИЗНЕСЕННОЕ

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

САНКТПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

марта 25 дня 1838 года

ЭКСТРАОРДИНАРНЫМЪ ПРОФЕССОРОМЪ

ДОКТОРОМЪ ФИЛОСОФІИ

Александромъ Никитенко.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ПЛЮШАРА.

1838.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго С. Петербургскаго Университета,

Секретарь Совѣта *А. Брутъ.*

С. Петербургскій Университетъ празднуя свое физическое и нравственное возрожденіе, могучею державною волею для него созданное, съ восторгомъ встрѣчаетъ, въ эту прекрасную эпоху своего возраста, привѣтливый взоръ собранія столь знаменитаго. Если Вы., Мм. Гг., смотрите на него съ надеждами, то это одно уже въ состояніи возвысить и омужествить духъ нашъ: это значитъ, мы признаны достойными выполнять, вмѣстѣ съ вами, великія намѣренія Государя и споспѣшествовать славѣ отечества. Съ другой стороны заботливое вниманіе ваше къ сему высшему учебному заведенію, служитъ новымъ утѣшительнымъ доказательствомъ того, сколь любезно Россіи драгоцѣнное наслѣдіе Петра — ея просвѣщеніе. Въ эти торжественныя минуты тѣснаго, видимаго сближенія Общества съ Наукою и Науки съ Обществомъ болѣе, чѣмъ когда либо удостовѣряешся въ благопоспѣшности ея начинаній; сильнѣе чувствуешь, что Наука не можетъ имѣть другихъ притязаній и другой славы, какъ утверждать наши законы, нашъ общественный порядокъ и упрочивать наше благо; что она есть только

*

одна изъ естественныхъ и необходимыхъ силъ нашей народной организаціи. Время сказать это, Мм. Гг., теперь, когда могущественная и глубокая мысль Августѣйшей Главы Имперіи проникла въ души всѣхъ, и именемъ Русской чести, напечатлѣла въ нихъ святой завѣтъ: *«да будетъ отнынѣ въ Россіи все Русское.»* — Одно изъ любопытнѣйшихъ явленій въ исторіи народовъ, безъ сомнѣнія, есть ходъ нашей образованности. Предъ вами двѣ эпохи; ихъ раздѣляетъ цѣлое столѣтіе; въ пространствѣ этого времени совершилось для Россіи столько не обычайныхъ событій, что столѣтіе — кажется вѣками; двѣ сіи эпохи, по видимому, даже противуположны въ своемъ характерѣ и значеніи, — а между тѣмъ онѣ сливаются въ одинъ моментъ народной жизни; первая существуетъ единственно для послѣдней, какъ послѣдняя есть только естественное, правильное разкрытіе всего, что заключалось въ предыдущей. Одна эпоха, когда по могущественному слову: *да будетъ*, раздавшемуся надъ Русскою землею, возникли на ней новые люди съ новыми потребностями и назначеніемъ; другая, когда эти люди, по такому же мощному призывному голосу, бросясь въ объятія Россіи, какъ бы послѣ долгой разлуки, возкликнули въ восторгѣ своего обновленнаго существованія: *мы дѣти твои!* Геній Петра свыше помазанный на великое творчество, созидая новыя судьбы народа, черпалъ для нихъ стихіи тамъ, гдѣ онѣ были, — въ общихъ избыткахъ человѣчества. Мы продолжали черпать ихъ, пока не укрѣпились ихъ силою и не возрасли для жизни высшей и вмѣстѣ самобытной. Законъ природы выполненъ. Слѣдовало угадать минуту, въ которую Россіи надлежало начать жить собою и въ се-

бѣ. Угадать эту минуту не было дѣломъ ума обыкновеннаго; не много раньше, мы могли пойти назадъ; не много позже, мы могли подвергнуться недугамъ столько же тяжкимъ, сколько и чуждымъ нашей природѣ. Но эта минута угадана; дѣло Петра довершено. Россіи возвращается Россія. Уже по твердой самодержавной волѣ великаго Зодчаго передвигаются колеса необъятной государственной машины, установляются новыя пружины, твореніе Петра организуется, приводится къ единству естественнаго національнаго начала. Какъ! все это зиждется въ наши дни, предъ нашими глазами, и мы даже не слышимъ шума этихъ чрезвычайныхъ работъ? Мы не испытываемъ никакихъ тревогъ, не разлучныхъ съ великими государственными измѣненіями? Мы даже не замѣчаемъ ускоренныхъ шаговъ нашего не обычайнаго шествія? Посмотрите: святая, торжественная тишина пріосѣняетъ дни наши; лице Россіи цвѣтетъ обычнымъ здравіемъ, и Слава платитъ намъ, какъ и прежде, свыше установленныя дани, — а для будущности въ нѣдрахъ этой славы и покоя, готовится столько величія... Но Ораторъ недолженъ похищать правъ у Историка; не станемъ предупреждать потомство. Объятые отвсюду воспоминаніями перваго дня нашей нравственной жизни и вкушая плоды нашего возрожденія, мы имѣемъ уже предъ собою неизсякаемый источникъ для великихъ размышленій и для слова въ минуты, посвященныя торжеству науки и народной славы. Бесѣдующему съ вами нѣтъ надобности прибѣгать къ искуственному сближенію предмета своей рѣчи съ настоящимъ случаемъ. Предъ вами, Мм. Гг., духъ Петра и его дѣло оправданное, довершаемое. Его могучая воля живетъ въ каждомъ актѣ нашей

жизни и продолжаетъ управлять событіями. Все вокругъ насъ и въ насъ самихъ исполнено святынею Его мысли; все даръ ея, — какъ и эти стѣны, среди коихъ совершается скромное, но общеполезное служеніе истинѣ, какъ это мѣсто, съ коего дерзаю призывать Его безсмертное имя, какъ самое слово, коимъ бесѣдуемъ съ вами. Здѣсь, окруженные, проникнутые Его невидимымъ присутствіемъ, мы невольно исполняемся священнаго благоговѣнія; сердце порабощено силѣ этого мощнаго генія, облеченнаго всѣмъ величіемъ, всею будущностію Россіи, — мы должны или безмолвствовать, или говорить только о Немъ!

Но, Мм. Гг., вы безъ сомнѣнія желали бы, чтобы устамъ краснорѣчивѣйшимъ предоставлено было выразить общія чувствованія. Безмѣрное величіе предмета можетъ подавить и оратора, уже привыкшаго къ побѣднымъ торжествамъ слова. Петръ Великій есть одно изъ тѣхъ необычайныхъ явленій нравственнаго міра, коихъ изученіе составляетъ задачу для мудрыхъ и кои только отважному взору генія допускаютъ коснуться глубокой тайны своихъ силъ и начинаній. Но да позволено будетъ мнѣ сложить предъ вами часть моей отвѣтственности: я непитаю дерзновеннаго желанія начертать его исполинскій образъ, или раскрыть предъ вами славу дѣлъ, подъ бременемъ коихъ изнемогаетъ Исторія. Мое слово будетъ только — простою, невольною Ему данію благоговѣнія. Все, что вы услышите, уже живетъ въ вашей памяти и вашемъ сердцѣ. Великій человѣкъ оставилъ повсюду столь могущественные слѣды Своего существованія, что всякое изліяніе чувствованій оратора, всякій взглядъ его уже предупреждены, — ему остается повторять. Но такъ въ простомъ напѣвѣ народной пѣсни

повторяются преданія, драгоцѣнныя сердцу гражданина; тѣмъ немѣнѣе эти преданія слушаютъ съ жадностію, какъ бы они были всегда новы, потому что Любовь къ отечеству имъ внимающая, подобно всякой любви, несѣтуетъ, когда много говорятъ о предметѣ ея обожанія. —

Исторія назвала Петра величайшимъ изъ людей, коихъ имена когда либо она принимала на свои страницы: она тѣмъ воздала только достойную честь себѣ и человѣчеству: просвѣтитель народа долженъ стоять предъ судомъ ихъ выше завоевателя, выше всякаго властителя и вождя умовъ. Какое величественное, утѣшительное зрѣлище предъ вами! Вотъ мужъ, совершающій дѣло божественное, мужъ — зиждитель нравственнаго порядка, мужъ, повелѣвающій быть на земли новымъ доблестямъ, новымъ славамъ, новымъ успѣхамъ ума и гражданственности. Изъ всѣхъ человѣческихъ могуществъ укажите то, которое было бы достойнѣе человѣческаго рода по своей славѣ и благотворнѣе для него по своимъ слѣдствіямъ. Это не есть присоединеніе какой нибудь силы къ силамъ движущимъ общество; это необогащеніе жизни новою отраслію добра: это цѣлое, полное мiротвореніе! Изъ того, что Онъ создалъ, ничего несуществовало и что Онъ создалъ, обречено вѣчному существованію. Не измѣряйте однимъ царствованіемъ пребыванія его на земли: въ его біографіи преднаписана исторія многихъ царствованій. Онъ столько же Геній нашей будущности, сколько геній настоящаго; скорѣе не станетъ вѣковъ для совершенія Его предначертаній, чѣмъ истощится богатство послѣднихъ. Каждая мысль, изторгшаяся изъ глубины Его зиждительнаго ума, является въ потомствѣ какъ пред-

метъ для бытописанія и какъ зародышъ бытописаній грядущихъ; она вмѣстѣ и урокъ и потребность. Подобно всеобщей жизненной силѣ въ природѣ, Онъ есть невидимое тайное начало всякаго отправленія въ нравственной нашей жизни; вотъ цвѣтъ и плодъ ея, — загляните во глубину ихъ первоначальнаго образованія — тамъ лежитъ сѣмя: это мысль Петра. – Ни границы времени, ни назначеніе настоящей бесѣды недопускаютъ меня представить вамъ, Мм. Гг., этой истины въ самыхъ фактахъ. По крайней мѣрѣ, бросимъ бѣглый взглядъ на механическіе, такъ сказать, пріемы, какими началъ Онъ не слыханный трудъ перерожденія народнаго. Здѣсь, какъ и на высотѣ общихъ видовъ, является тотъже Петръ — Просвѣтитель, съ тѣмъ же принятымъ Имъ отъ неба полномочіемъ вливать духъ и жизнь въ неподвижную плоть, съ тѣмъ же дивнымъ знаніемъ вещей и средствъ. Наука торжествуетъ повсюду; ея животворное дыханіе объемлетъ и проникаетъ весь составъ Государства. Безопасность, богатство народа, всѣ отрасли дѣятельности, честь народнаго имени, — все утверждено на вѣчныхъ основаніяхъ истины и обезпечено развитіемъ народнаго ума и самопознанія. Мы, какъ я имѣлъ честь замѣтить выше, радуемся счастливому у насъ направленію науки, радуемся, что она подвизается для общества а не для школы, что она есть дѣятель, сила государственная, а не пустая сластолюбивая игра праздныхъ умовъ: но это направленіе дано ей Петромъ. Оно угадано Его всепроницающею мыслію во глубинѣ народнаго духа, среди его дремоты, когда никто не смѣлъ еще подозрѣвать его силъ и читать ихъ тайны, кромѣ Петра. Въ самомъ дѣлѣ, на что обращено вниманіе Монарха, среди заботъ о просвѣ-

щеніи отечества? Онъ учреждаетъ Морскую Академію, даетъ въ Россіи бытіе наукамъ Инженерной и Артиллерійской; Русскіе, по Его волѣ, учатся Медицинѣ, свѣтъ раціональныхъ началъ озаряетъ торговлю и мануфактуры. Петръ самъ установляетъ новыя формы письменности; въ своихъ безчисленныхъ письмахъ, резолюціяхъ и уставахъ, прежде Ломоносова, даетъ первые образцы языка полнаго силы, простоты и точности. Повелѣваетъ учиться иноземнымъ языкамъ, — языкамъ Европы и Востока; умственныя произведенія народовъ, опередившихъ насъ въ наукѣ и искуствѣ, усвояются нашей рождающейся образованности; Петръ самъ перечитываетъ ихъ, исправляетъ и даетъ совѣты о лучшемъ выраженіи новыхъ идей на языкѣ отечественномъ. Учреждаются школы для дѣтей Канцелярскихъ чиновниковъ, начинаютъ заараждаться школы народныя; Государь посылаетъ наставниковъ въ провинціи для обученія Дворянскихъ дѣтей Математикѣ; лучшихъ молодыхъ людей отправляетъ за границу для пріобрѣтенія высшаго образованія, пишетъ имъ своеручно наставленія, какъ опытный и просвѣщенный руководитель и Самъ, по возвращеніи, ихъ экзаменуетъ. Излагаетъ превосходныя начала для учрежденія Семинарій и Духовныхъ Академій и даетъ правила, основанныя на глубокихъ соображеніяхъ, о сочиненіи книгъ для распространенія нравственно-религіознаго образованія въ народѣ. Наконецъ, Мм. Гг., вы знаете, что и Академія Наукъ Ему обязана своимъ существованіемъ, а въ планѣ, начертанномъ по этому случаю, соединены съ нею основанія Университета: первый Русскій Университетъ существовалъ уже въ умѣ Петра. До времени Онъ слилъ двѣ формы высшаго образованія

въ одну, потому что того требовали современныя Ему нужды государственныя. Вы видите, Мм. Гг., что обширная и мудрая система распредѣленія образованности между всѣми классами народа въ той мѣрѣ, какая нужна каждому изъ нихъ, для собственнаго и государственнаго блага, — что эта система, которая нынѣ съ такою твердостію развивается и законодательными и административными мѣрами, была уже Петромъ Великимъ понята и предопредѣлена. Его только все – объемлющему духу возможно было расшириться на такое огромное пространство вещей и дѣлъ и оживить однимъ Собою все отъ перевода на Русскій языкъ иностранной книги до Академіи наукъ, до Университета.

Это добро общее, добро цѣлаго, вѣковъ и потомства. Но еслибы и самый утонченный, разчетливый эгоизмъ вздумалъ спросить, что каждый изъ насъ почерпнулъ на свою долю въ новомъ порядкѣ вещей? Мы отвѣчали бы, честь существовать по человѣчески и право возвышать и облаготворять свое существованіе всѣми нашими силами матеріальными и нравственными. Развѣ дѣятельность, указанная Петромъ духу Русскаго народа, не служитъ уже для каждаго изъ насъ источникомъ разнообразнѣйшихъ благъ, точно такъ, какъ она служитъ опорою нашей самобытности и прочнымъ залогомъ нашей вѣчной славы? Искуства, науки, новыя вѣтви промышлености, ихъ совершенствованіе, ихъ приложеніе — какой неизсякаемый источникъ всевозможныхъ успѣховъ жизни! Какія средства, чтобы возвысить въ насъ достоинство человѣка и сдѣлать отраднымъ пребываніе наше на земли! Сколько прекраснаго сопряжено съ существованіемъ генія, таланта, доблестной воли — а имъ от-

крыты поприща, цѣли и пути. Совершеннаго счастія нѣтъ ни въ какомъ ходѣ вещей на земли; но есть многія блага, которыя вкушать можетъ только умъ образованный и есть многія злополучія, которыя отвратить можетъ одна образованность. Все, что наполняетъ сердце наше сладкимъ сознаніемъ его обилія и силы; все, что каждый изъ насъ называетъ своею славою, чѣмъ даже каждый изъ насъ наслаждается въ безпечности покоя, — все даръ Просвѣтителя народа! Но могутъ спросить: не надлежало ли намъ идти медленнѣе по новому пути? Нѣтъ, Мм. Гг.! Это значило бы отваживать будущность новаго порядка вещей и самую будущность государства на невѣрное покровительство удачи и случая. Сія то быстрота, какъ и всеобщность преобразованія, есть одна изъ величайшихъ заслугъ Генія нашей новой Исторіи. Событія оправдали Его твердую и рѣшительную волю. Умъ столь обширный и проницательный, какъ умъ Петра, не могъ медлить, видя быстрое возрастаніе державъ образованныхъ; скоро возлѣ нихъ не было бы мѣста другимъ стихіямъ общества. Въ состояніи ли мы представить себѣ, какимъ ужасомъ должно быть поражено сердце великаго Монарха, когда Онъ обозрѣвъ состояніе вещей въ Европѣ, увидѣлъ свою возлюбленную Россію во всей крѣпости природныхъ силъ ея, со всѣми правами на великое существованіе и почти безъ всѣхъ пособій, какими сопредѣльные ей народы, съ каждымъ часомъ своей политической жизни, пріобрѣтали новые успѣхи! Что сдѣлалось бы съ Россіею, когда отважный солдатъ, сжавшій судьбу Сѣвера въ желѣзной рукѣ своей, этотъ Карлъ XII, низложенный юнымъ нашимъ просвѣщеніемъ, бросилъ бы свой побѣдоносный мечь на вѣсы

съ древними нашими предразсудками? Что сталось бы съ нами, когда другой воинъ болѣе счастливый и болѣе великій, перестроивая ветхую Европу по своимъ исполинскимъ замысламъ и простирая свой окровавленный скипетръ на Россію, встрѣтилъ бы въ насъ одно только мужество — и ничего, или мало отъ спасительнаго могущества Науки и Искуства? — Нѣтъ! Петръ Великій не только просвѣтилъ Россію, но спасъ ее, — спасъ, потому что просвѣтилъ! —

Станемъ, Мм. Гг., на другую точку зрѣнія: посмотримъ на Петра, какъ на дѣятеля всемірнаго. Народъ, занимающій необъятное пространство земнаго шара, печальными судьбами былъ на долго отторгнутъ отъ участія въ общихъ дѣлахъ міроустройства и міроправленія. Другіе народы пріявъ въ руки свои Европу изъ кровавой купели перерожденія, уже давали ей законъ, гражданственность, науку и искуство; каждый изъ нихъ спѣшилъ приложить свою мысль и свой трудъ къ этому новому зданію исторіи, — и человѣчество скоро увидѣло предъ собою въ числѣ даровъ ими принесенныхъ, компасъ, порохъ, Америку, книгопечатаніе, Дантову божественную комедію, Беконовъ новый органонъ, Рафаэлево преображеніе. Между тѣмъ Россія, проникнутая ужасомъ претерпѣнныхъ ею золъ, стояла въ хладномъ и уединенномъ величіи, какъ бы боясь подать содѣйствующую и дружелюбную руку чуждымъ людямъ, отъ коихъ понесла она на сердцѣ своемъ столько скорбей. Но такое отчужденіе не могло быть ея удѣломъ. Петръ принялъ ее въ свои мощныя объятія и оживотворивъ своимъ дыханіемъ, возвратилъ ее человѣческому роду. Свѣжія, энергическія силы влились мгновенно въ ослабѣвшее тѣло Европы — и міръ полу-

чилъ новаго двигателя образованности еще неутомленнаго и не пресыщеннаго успѣхами, готоваго усвоить себѣ, возрастить и пронести въ концы его все великое и прекрасное, — все человѣческое, кромѣ обольщеній ложной истины. Изъ глубины забвенія и мрака, двинутые рукою величайшаго генія земли, мы пришли въ Европу не съ мечемъ, чтобы сокрушить твореніе умственныхъ силъ ея, — мы пришли съ благороднымъ желаніемъ принять отъ ней науку и искуство. Мы пришли, чтобы у стараго и опытнаго рыцаря человѣчества заслужить посвященіе въ высокій санъ сподвижникомъ всемірнаго дѣла. Стыдиться ли намъ, Мм. Гг., что мы должны были сперва сдѣлаться ученикамп людей, опередившихъ насъ на пути усовершенствованія? Петръ не стыдился учиться корабельному искуству у Голландскихъ матросовъ и тайнѣ побѣждать у своихъ враговъ; но онъ построилъ флоты и торжествовалъ побѣды надъ своими военными учителями. Не стыдно такъ учиться. Мы не хотимъ однакожъ быть никому обязанными; Россія такъ богата, что не принимаетъ даровъ. Мы заплатили и платимъ Европѣ съ избыткомъ за ея услуги. Мы вырвали ее изъ кровавыхъ рукъ Мужа судьбы, когда онъ осмѣлился свою желѣзную волю противопоставить строгимъ и праведно чтимымъ законамъ общаго порядка. Наслѣдникъ Петра, путемъ побѣдъ, ввелъ насъ въ самыя нѣдра народа враждебнаго, угрожавшаго стерѣть имя наше со страницъ Исторіи: во имя человѣчества мы, въ отмщеніе, поднесли ему оливу мира и спасли для образованности вѣковыя пріобрѣтенія ума, искуства и науки. Кромѣ дѣлъ, мы дали два великіе урока народамъ: какъ сражаться за свою независимость и какъ благо-

творить побѣдою. И такъ воздвиглось Могущество новое, едва ли не первое въ лѣтописяхъ міра, — Могущество, предписавшее себѣ законъ — не разрушать, но спасать и хранить. Ринулись на Европу другіе, опаснѣйшіе враги — Политическія Страсти, грозившія подавить образованность развалинами порядка и закона. Крѣпкая издревле въ соблюденіи обѣтовъ, на коихъ основаны бытіе и прочность гражданскихъ обществъ, монархическая по своей природѣ, потребностямъ и любви, Россія пріосѣнила мощною охранительною рукою троны и союзы общественные, и люди избавлены отъ стыда видѣть себя жертвою своихъ собственныхъ успѣховъ. Вотъ плоды, принесенные Россіею человѣчеству отъ сѣмянъ, засѣянныхъ рукою Петра. Намъ вполнѣ теперь объясняется мысль, постоянно наполнявшая великую душу Его, — мысль ввести Россію въ систему Европейскихъ государствъ. То было не одно патріотическое желаніе доставить ей почетное мѣсто въ кругу народовъ образованныхъ, хотя и это одно могло бы упрочить славу Монарха великаго. Нѣтъ! это было предчувствіе Генія, котораго Промыслъ избираетъ орудіемъ для выполненія цѣлей общихъ, міродержавныхъ. Это было непреодолимое, тайное влеченіе къ тому необытному расширенію нравственныхъ силъ, коего начало лежитъ глубоко въ сердцѣ и судьбахъ Русскаго народа. И такъ, Мм. Гг., Россія торжественно слагаетъ съ себя вину предъ человѣчествомъ, что она не принимала участія въ судьбѣ его; она разомъ заплатила ему всѣ свои долги — она принесла ему въ даръ Петра.

Таково, Мм. Гг., значеніе Петра въ отношеніи къ Россіи и въ отношеніи къ человѣчеству. Ктожъ Онъ

Самъ въ себѣ, этотъ Мужъ — зиждатель, этотъ податель свѣта и геній Россіи, слившій ее съ собою, что бы сдѣлать ее геніемъ народовъ иныхъ? — Виновникъ событій, столь необычайныхъ доложенъ быть одаренъ и качествами необычайными. Въ самомъ дѣлѣ характеръ Петра не имѣетъ ничего общаго съ великими характерами, какіе представляются намъ въ древнемъ и новѣйшемъ мірѣ. Величіе Его можетъ быть сравниваемо только съ величіемъ державы, которую Онъ призванъ былъ пересоздать. Идеи Его были выше понятій Его народа; но подобно Небу, котораго предѣлы кажутся отвсюду слитыми съ предѣлами земли, эти идеи всею внутреннею силою своею опирались на народныхъ нравахъ и судьбѣ. Куда бы вы ни пошли по путямъ народной нашей дѣятельности, вы вездѣ будете подъ этимъ небомъ; васъ вездѣ обхватитъ горизонтъ этого дивнаго ума, — и между тѣмъ вы будете чувствовать, что надъ вами горитъ солнце и блестятъ звѣзды вашей святой отчизны. Онъ есть въ высочайшей степени представитель своего народа. Онъ впиталъ въ себя вдругъ съ исполинскою силою всю его жизнь и, переработавъ ее въ нѣдрахъ своей души, возвратилъ ее тому же народу въ лучезарныхъ потокахъ свѣта и славы. Что дѣлаетъ Онъ, чтобы усвоить ему разныя выгоды усовершеннаго общественнаго быта, — выгоды, какими прежде онъ не наслаждался? Вмѣсто того что бы только повелѣвать самодержавно и бодро блюсти за исполненіемъ Своей воли, Онъ принимаетъ мѣры проще и дѣйствительнѣе, — но мѣры такія, какихъ еще въ Исторіи людей не доставало ни для полнаго психологическаго изъясненія человѣка, ни для урока ему. Онъ становится Самъ плотникомъ, рѣзчикомъ, ку-

зпецомъ, солдатомъ, лѣкаремъ, «Смотри, говоритъ онъ своему народу, вотъ мозоли отъ топора на моихъ скиптродержавныхъ рукахъ: это для тебя и за тебя — теперь дѣлай самъ: это и легко и благородно.» И народъ изумленный этимъ не слыханнымъ способомъ самодержавнаго законодательства, устремляется бодро на новый путь, и какъ бы пробудясь отъ долгаго сна, видитъ, что нѣтъ успѣха гражданственности, нѣтъ такого усовершенствованія, какія не были бы ему суждены. Онъ принялъ отъ Петра свой умъ, свою нравственную силу и свои руки. — «Пишутъ «ученики Твои (такъ изъясняется съ Государемъ въ «письмѣ Русскій корабельный плотникъ), — пишутъ «*ученики Твои* корабельнаго дѣла мостильщики, щегольнаго дѣла мастера Якимко Воронинъ съ това«рищи 16, *челомъ бьютъ за Твое мастерское ученье*» — и «корабль взнималъ я съ учениками своими по Твоему «учительскому приказу и по Твоему ученью.» — О, если бы можно было изъ Исторіи человѣческаго рода вырвать многія, такъ называемыя блистательныя страницы, гдѣ кровію народовъ вписано за цѣну всеобщаго мира и блага, нѣсколько превознесенныхъ именъ и если бы, вмѣсто этихъ страницъ, можно было болѣе написать подобныхъ строкъ, — Мм. Гг., мы не были бы въ опасности читая Исторію, терять иногда уваженіе къ человѣческому достоинству. Можете ли вы представить себѣ зрѣлище умилительнѣе и торжественнѣе того, когда угнѣтенный невѣжественный сынъ природы, припадая къ стопамъ генія, надѣленнаго всѣми умственными дарами, исповѣдуетъ предъ нимъ въ простотѣ сердца свою духовную нищету и какъ этотъ геній подъемля его изъ праха, благословляетъ его братскимъ благословеніемъ и говоритъ

ему: «будь человѣкомъ — я научу тебя быть имъ.» — Между тѣмъ этотъ Геній, которому люди давали титло своего учителя, въ тоже время сражался за нихъ, побѣждалъ враговъ, законодательствовалъ, царствовалъ. Хотите ли вы, Мм. Гг., войти съ другой стороны во святлище этого необъятнаго ума — войдите, чтобъ снова благоговѣть. У другихъ, также мужей знаменитыхъ, вы находите умъ, какъ бы вылитый въ извѣстную форму человѣческаго образованія, умъ, такъ сказать, извѣстной эпохи; вы видите, что онъ и дѣйствуетъ подъ вліяніемъ понятій своего вѣка, какой нибудь школы, и даже подъ неизбѣжнымъ вліяніемъ предразсудковъ. Такіе умы бываютъ представителями одной идеи и осуществляютъ ее одну въ своихъ подвигахъ. Въ умѣ Петра напротивъ нѣтъ ни какой наклонности къ утвердившимся понятіямъ, или установленному способу соображенія: это чистый, если можно такъ выразиться, стихійный умъ, какимъ бываетъ онъ въ нѣдрахъ самой природы, прежде чѣмъ мы испортимъ его ложнымъ ученіемъ, суемысліемъ и страстями нашими, — умъ человѣческій, безъ примѣси того, что происходитъ отъ вѣковыхъ навыковъ. Для его дѣятельности какъ будто нѣтъ условныхъ формъ времени или мѣста. Для него существуетъ одна форма — истина и ясность. Казалось отъ его мысли отпадали весь обыкновенный снарядъ обсуживанія, всѣ эти топическія лѣстницы, по коимъ мы медленно и ощупью подвигаемся къ истинѣ; однимъ мѣткимъ ударомъ ума своего онъ разбивалъ въ дребезги кору, облекающую сущность вещей — и вещи послушно предавали ему глубочайшія свои тайны, коихъ тщетно домогались другіе. Въ одно и тоже время необъятный, какъ Россія, и удобовмѣ-

стимый въ самой мелкой подробности, этотъ дивный умъ равно изумителенъ въ силѣ своего разширенія и въ силѣ сжатости своей. Это дѣйствительно, Мм. Гг., умъ по превосходству, повторяю, чистый умъ, который называютъ здравымъ, не подозрѣвая, можетъ быть, что тѣмъ самымъ возвращаютъ ему его божественное достоинство, — умъ, который, по выраженію одного изъ знаменитѣйшихъ современныхъ писателей, есть — геній человѣчества. Удивительно ли, что Петръ великій былъ врагомъ всѣхъ хитросплетенныхъ, безполезныхъ умствованій, что онъ могъ быть удовлетворенъ только истиною, а не прикрасами ея? Зиждитель повсюду, куда влекли Его или собственное стремленіе или нужды, онъ презиралъ всѣ окольные ни къ чему не ведущіе пути, на коихъ мелкіе умы любятъ забавлять чернь діалектическими уловками; — Онъ уважалъ въ мысли силу производительную и требовалъ отъ нея — дѣлъ. Иноземцы, приходившіе въ Россію съ надеждами иногда слишкомъ нескромными, изумлялись видя, съ какою проницательностію Государь умѣлъ отличать въ нихъ людей истинно достойныхъ и полезныхъ отъ ничтожныхъ искателей приключеній. Одинъ изъ такихъ людей представилъ Ему планъ учрежденія Морскаго Корпуса; въ немъ много было говорено, какъ обыкновенно, объ общественной пользѣ, но дѣло шло о собственныхъ выгодахъ сочинителя. Петръ великій написалъ противъ одного пункта, который казался благовиднѣе прочихъ: *этого не должно: ибо болѣе клонится къ лакомству и карману, нежели къ службѣ*, — а въ заключеніе велѣлъ объявить велерѣчивому предлагателю услугъ: *чтобъ подлинно объявилъ, хочетъ ли онъ свое дѣло дѣлать безъ прихотливыхъ запро-*

совъ, и если хочетъ, тобъ дѣлалъ; буде нѣтъ, то чтобъ отдалъ взятое жалованье и выѣхалъ изъ сей земли.

Можемъ ли мы также умолчать объ одномъ изъ драгоцѣннѣйшихъ качествъ Его ума, — объ искуствѣ избирать себѣ сподвижниковъ и исполнителей своей воли и употреблять ихъ сообразно ихъ способностямъ? По Его мощному клику земля Русская дала граждапъ, заслуживавшихъ чести жить въ Его время и раздѣлять съ Нимъ блистательнѣйшую славу, какая когда либо озаряла людей. Въ хижинѣ построенной на болотѣ, пріобщились они величію державнаго Генія и простерли руки свои къ трудамъ тяжкимъ и продолжительнымъ. Каждый изъ нихъ безъ царедворческой шастости и безъ лукавства, всею любовію своею къ Петру и Россіи, совѣстливо, честно воздѣлывалъ частицу общаго подвига, — а этотъ подвигъ былъ — созданіе Царства! Это сильныя души, вылитыя въ бронзу, по коей глубоко прошелъ рѣзецъ строгаго и величиваго стиля Римлянъ. Они образовались по мысли великаго Художника, который въ самой грубой корѣ нестыдился подозрѣвать талантъ и доблесть, который искалъ людей, а самъ каждаго изъ нихъ перерождалъ въ мужа.

Мы никогда не кончили бы, Мм. Гг., если бы захотѣли изчерпать все великое, которое оратору и историку представляетъ характеръ Петра. Но вотъ новая не обычайность и задача для наблюдателя человѣческой природы: откуда возникъ этотъ характеръ и какъ онъ образовался? Мы привыкли думать, что человѣкъ, коему Провидѣніе ввѣрило власть надъ умами и судьбою вѣка, приготовляется предшествующими событіями, что онъ большею частію, призванъ

только сосредоточить и выразить въ себѣ общія нужды и идеи эпохи. Такъ ли было съ Петромъ? Было ли до Него пробуждено хоть въ одномъ умѣ ясное сознаніе необходимости новаго порядка вещей? Ожидали ли Его сердца, что бы принять съ восторгомъ и облегчить Ему бремя Его подвига? Гдѣ Его предтеча? Онъ пришелъ къ своимъ — и свои Его не познали. Не было ни одного стремленія въ Его пользу, ни одного начатка, что бы дѣло творчества замѣнить для Его ума и воли, хотя великимъ, но вполовину легчайшимъ дѣломъ довершенія? Все надлежало создать Самому: цѣли, средства, людей — Самаго Себя. Вы знаете, Мм. Гг., получилъ ли Петръ воспитаніе, не скажу сообразное съ его нравственными потребностями, но съ Его политическимъ жребіемъ? Общество ничего Ему не дало ни для Его намѣреній, ни для генія; оно не лелеяло первыхъ Его начинаній; своимъ одобреніемъ оно неукрѣпляло Его великихъ надеждъ и довѣрія къ Своимъ силамъ. Или равнодушно, или съ тайнымъ отвращеніемъ, оно смотрѣло на эти юношескіе порывы, предвозвѣщавшіе истребителя закоснѣлыхъ предразсудковъ. Нашлись даже люди, — и ихъ было не мало, — которые дерзнули простерть свою святотатственную руку на сію вдвойнѣ освященную главу, - освященную помазаніемъ на Царство и помазаніемъ на великое назначеніе въ Исторіи. Петръ все получилъ или отъ Неба, или отъ Себя Самаго; земля дала Ему только поприще для труда — и безсмертіе за трудъ. Его умъ и воля — дары Провидѣнія; знаніе Онъ изторгъ силою изъ рукъ непріязненной судьбы. Не легко, Мм. Гг., при всевозможныхъ пособіяхъ, изучить и одну науку, особенно если она есть наука царствовать. Петръ изучалъ все, что должно было сдѣлать

подданныхъ Его людьми, — изучалъ не подъ руководствомъ избранныхъ наставниковъ, при помощи приготовленныхъ средствъ; нѣтъ! онъ изучалъ это подъ руководствомъ собственнаго ума, въ убогой школѣ нужды и терпѣнія. И Просвѣтитель народа исполнилъ правосудно Свое достославное назначеніе: Онъ сдѣлался Самъ просвѣщеннѣйщимъ Мужемъ своего вѣка. Это уже не Монархъ-Певелитель: это Божій Посланникъ, принесшій миліонамъ людей слово истины и Себя, какъ образецъ для послѣдованія. Въ этомъ то дивномъ самообразованіи лежатъ первое начало и опора той несокрушимой силы воли, которою замыслы, казавшіеся несбыточными мечтами, Онъ превращалъ въ дѣла и вещи. Петръ не могъ и не долженъ былъ получить образованія другаго. Поставленный заранѣе въ необходимости черпать все изъ собственныхъ силъ, Онъ сталъ столько же самодержавнымъ по Своему духу, сколько былъ самодержавнымъ по сану. Неполучивъ никакого направленія, Онъ сохранилъ ту независимость, чистоту и ясность ума, которыя необходимы были Ему для нравственнаго законодательства въ Своемъ народѣ еще болѣе, чѣмъ для политическаго. Неподвластный никакому чуждому внушенію, Онъ наконецъ сдѣлался тѣмъ, чѣмъ надлежало быть Ему — сдѣлался Петромъ Великимъ. —

Но во всемъ этомъ Мм. Гг. мы видимъ силу, могущество, власть ума и воли; этого слишкомъ много, чтобы человѣка сдѣлать предметомъ удивленія и благоговѣнія; однако же не довольно для того, чтобы сдѣлать его предметомъ обожанія. Мы даже можемъ сознавать, чѣмъ мы обазаны великому человѣку и сердцемъ отъ него отстраняться. Бываетъ не полное

какое то величіе, которое овладѣваетъ не всею нашею душею и оставляетъ въ ней мѣсто для тайныхъ укоризнъ и сожалѣнія. Геній здѣсь можетъ столько же утратить въ своей славѣ, сколько и пріобрѣсти. Отъ чего же Петръ, не смотря на строгія черты своего лика, порабощаетъ себѣ наше сердце такъ, что для него нѣтъ убѣжища между удивленіемъ и любовію? Отъ того, Мм. Гг., что всѣми Его намѣреніями, всѣмъ могуществомъ Его души управляло одно святое, чистѣйшее чувство — любовь къ отечеству. «*Я за свое отечество живота не жалѣлъ и не жалѣю*» говоритъ Онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. Протекши мыслію всю цѣпь исполинскихъ дѣлъ и качествъ Петра, здѣсь встрѣчаете вы послѣднее звѣно его величія — здѣсь, гдѣ *великій для Исторіи*, сталъ *Отцемъ для отечества*. Далѣе человѣку простираться не куда. На пути къ этой нравственной грани еще можно трепетать за славу Петра, за полноту жертвы, какую обязано принести ему Потомство. Можно еще спрашивать у самаго себя: не честолюбіе ли увлекло эту могучую душу на поприще такихъ не обычайныхъ дѣлъ? Ибо, Мм. Гг., не разъ люди испытывали скорбь разочарованія, слишкомъ довѣряя величіямъ человѣческимъ. Но здѣсь нѣтъ уже мѣста ни какому разбирательству, ни какому суду. Петръ является намъ въ полномъ свѣтѣ самой чистой, прекраснѣйшей славы. Мы радостно войдемъ въ пантеонъ великихъ мужей всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ, — и съ гордостію падемъ предъ нетлѣннымъ образомъ Петра. Его дала человѣчеству земля Русская — первый среди великихъ мужей своимъ геніемъ и доблестію, Онъ нашъ Своею любовію, также какъ Своимъ именемъ. Если великіе

мужи суть представители своихъ народовъ предъ судомъ потомства и ходатаи за ихъ славу — что должно сказать оно о геніи народа, котораго нравственныя силы вылились въ такую форму, какъ образъ Петра?... Съ благоговѣйнымъ трепетомъ говоримъ мы въ сердцѣ нашемъ, глядя на этотъ дивный образъ: эта всеобъемлющая мысль на величественномъ челѣ — она вся была принесена въ жертву намъ; изъ нея излились на насъ просвѣщеніе, могущество, слава. Изъ этихъ устъ Исторія услышала святыя слова и приняла какъ объяснительный догматъ на всѣ подвиги необыкновеннаго мужа: *я не жалѣю жизни для Россіи.*

Здѣсь прекращаю мое слово: ибо, Мм. Гг., здѣсь и не столь слабое слово, изчезаетъ въ торжественныхъ кликахъ потомства, какъ отдѣльный голосъ изчезаетъ въ громѣ радостнаго привѣствія, когда народъ нашъ встрѣчаетъ своего мощнаго и благоносящаго Царя. Здѣсь можно только молиться. О, пусть всегда сердца наши молятся, да будетъ Россія Петра тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ ее сдѣлать Петръ и чѣмъ дѣлаетъ ее Тотъ, кому Провидѣніе достойно и праведно ввѣрило довершеніе Его подвига. Пусть въ этой молитвѣ будетъ слово и за насъ: пусть эти юноши, пришедшіе сюда стяжать сокровище познаній, по чувству своего Просвѣтителя, обнимутъ свое дѣло мыслію не шаткою и трудомъ бодрымъ совершатъ его, чтобы духъ Петра возрадовался, и Августѣйшій Наслѣдникъ Его могъ сказать: «*они достойны быть Его и Моими дѣтьми!*»

2007099172